

Владимир Шапко

ЗАПЕЧНЫЙ ТАРАКАН

Повесть

16+

Владимир Шапко
Запечный таракан

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шапко В.

Запечный таракан / В. Шапко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Повесть о любви застенчивой, неуклюжей, где герой теряет неизлечимо заболевшую жену и через некоторое время умирает сам.

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	9
5	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

1

После смерти жены – пил. Пьянством проталкивал дни, недели. По утрам, ощупывая вылезшую щетину, удивлялся её жёсткости. Вяло разводил мыло, брился. Потом снова сдёргивал день, как сдёргивают вместе шторы, до следующего утра, до следующего ощупывания колючего подбородка. Иногда говорил в пивной, отпивая из кружки: «Когда пьёшь – борода сильнее растёт. Раз в пять быстрее, чем у трезвого». Через час-полтора сползал под мраморный столик и висел там, обняв железную корзину прутьев. Селиванов поднимал его с пола, волок домой.

Утром смотрел опять в зеркало на столе. Всклоченный, дикий. Снова разводил мыло в чашке.

Сестра приходила через день. Сразу начинала ругать. Требовала отдать сберкнижку ей. «Пропьёшь ведь все деньги! Дурак!» Водил станком по вздрагивающей заячьей щеке. Сестра грохала дверью.

Когда выходил сам, старухи на лавочке разом надувались. Уводили глаза, боясь задохнуться от возмущения. «Опять весь наглаженный! – оставалось за спиной. – Как ни в чём не бывало! Зато вчера был ни тяти ни мамы».

В сберкассе ручка не слушалась. Плясала. Чёрт! Кое-как заполнил бланк. Единожды глянув, кассирша больше на вкладчика не смотрела. Её ручка – зло дёргалась. Шестимесячная завивка тряслась бубенчиком. Пора, наверное, перекочевать на Советскую. В ту сберкасу. А то вон, лопнет сейчас от злости. С червонцем выходил на улицу.

Стоял. Думал. С большой, как кубок, головой. Солнце жгло. В стекле гастронома переливались стеклянные люди.

2

Лето 74-го года Ивану Чечину запомнилось хорошо. Семнадцатилетним мальчишкой он ездил поступать в Уфу в индустриальный, а потом в первый раз вышел над городом с позывным: «Говорит радиостанция «Светоч»».

В техникуме Ваня уважительно посидел двадцать пять минут перед чистым листом бумаги, на котором в правом верхнем углу был поставлен чернильный штампик «экзамены», и поехал автобусом назад, домой, в Октябрьск.

В то лето горели леса, пересыхали озёра, солнце днём затягивало серым зольным дымом. Листья летящих мимо деревьев с обеих сторон шоссе свисали серые, все в белых пятнах, будто обгаженные птицами. В автобусе был ад. Пассажиры не знали, чем уже на себя махать. Однако Ваня потихоньку посмеивался, поглядывая в окно. Стеснялся сказать девушке-соседке, что рядом с автобусом бежит лось. Танцующей размашистой иноходью. Вот смешно!

Автобус вдруг резко затормозил. Все вскочили, завывали шеи. «Что? Что такое? Вон, вон! Лось!» Лось стоял прямо перед раскрытым работающим мотором. Стоял с угрозой, наклонив рога, расставив передние ноги. С губ срывалась пена. От жары, от жажды лось сошёл с ума. Лось был сумасшедшим! Шофер посигналил, пугнул. Животное вяло метнулось с шоссе, пошло ломать белый высохший подлесок. Кидая танцующие ноги вперед, убегало в обгаженный лес. Автобус тронулся.

Ваня про девушку рядом забыл. Всю оставшуюся дорогу трудно думал, наклонив большую свою голову с жёлтыми прямыми волосами. «Лось на дороге. Погибающие деревья. Мутный, придавивший всё мир над головой». И только когда открылся вдали печёный закат над чёрными нефтяными качалками, мотающимися перед городом – опять стал потихоньку поглядывать на соседку. У девушки была капризная нижняя губа и вздёрнутые две мётлы светлых волос. Ваня хотел ей сказать что-нибудь завлекательное, но так и не решился. Он не мог знать тогда, что в той поездке рядом с ним сидела, хмурилась его будущая жена.

3

Геометрически чётко стояли в начале Проспекта две послевоенные сталинские голубятни с маленькими окошками, узорами и шпилями. За ними двумя тяжёлыми шпалерами построились пятиэтажные дома. Ждали генералиссимуса. Ковровая дорожка цветов была раскатана до самого горизонта. Чечин сидел на скамье, вытирал с лица пот, посматривал на цветы, ждал всего лишь Селиванова. Селиванов будто с неба упал: «Говорил ведь, – не звони: Зойка ругается!» Пропустив пару машин, заспешили через дорогу.

Утренняя, ещё пустая пивная за стеклом напоминала мутную подводную лодку в разрезе. Ровно в десять открыли дверь (боковой люк), и с улицы было видно, как по всей подлодке разбегаются тонконогие расторопные подводники. Спешно занимают боевые места. Кто уже с кружками, кто пока без. Чечину и Селиванову достался высокий столик перед стеклом с уличной панорамой. Чуть погода вокруг началась опохмелившаяся, вновь расторможенная болтовня алкашей. Болтовня второго, можно сказать, дыхания. Подсучивая солоделые бледные ручки, алкаши стукались кружками.

Чечин по-прежнему сильно потел, поминутно вытирался платком. Длинные жёлтые волосы его были мокры. «Может, хватит тебе, Иван? Ведь кончишься так». Геннадий Селиванов приложился к кружке. «Уйдёшь вслед за Верой». Смотрел на друга. Костюм Чечина был как всегда почищен и отглажен. Правда, из расстёгнутого пиджака с майки смотрел туманный скол революционера в берете, не вяжущийся как-то с выходным костюмом, но это – слабость Чечина. Давнишняя слабость. А, Альберт Че? Может, хватит тебе пить?

Когда они вдвоем после десятого класса смастырили первую свою шарманку, Ваня вышел в эфир с непонятными словами: «Говорит Альберт Че!». Так и сказал гордо. Почему Че? Кто такой Альберт Че? Услышав этот непонятный позывной в своей «Спидоле», Генка выскочил из дома и побежал в соседний двор. В сарай к Ваньке. Почему?

– Это революционер такой, – встал и потупился ведущий передачи. С наушниками на голове. – На Кубе живёт. Че Гевара. – Снова присел к торчливым мерцающим лампам и проводам шарманки.

Ах вон оно что! Примазался! Так, может, лучше будет «Ванька Че?» А? Революционер кубинский?

Селиванов глотнул пива. Из сумрака смотрел на свет улицы. Неужели придётся опять тащить? Вот так отпуск у меня в этом году. Вон, соль пытается громоздить на кружку. Руки – ходуном. Ну-ка дай сюда! Сам обсыпал край. На! Снова смотрел на идущих за стеклом людей. Правильно Людмила Петровна говорила про внука – таракан запечный! Двадцать лет не могли женить. После тюрьмы кого только ни приводили к нему. Как к кобельку-импотенту. И всё мордочку воротил. Зато теперь – погибает. Да, жалко Веру. Хорошая была баба.

Выпив ерша, Чечин стал понемногу в себя приходиться. Большой лоб его разгладился, зачёсанные назад волосы начали подсыхать. Даже заговорил: «О чём думаешь, Гена?» – «Да всё о том же, – как ты на вахту полетишь. Через четыре дня. С такой рожей». – «Я никуда больше не полечу, Гена. – Чечин отпил: – Попрошусь к Зарипову. На текущий ремонт к его балалайкам. Их у него семь штук стоит-качается перед городом».

Селиванов отставил кружку. Чечину осталось три года до пенсии. С выслугой, с северным коэффициентом!

– Ты совсем сдурел, Иван? На двести рублей пойдёшь? После твоих тысяч?

Чечин молчал.

– Да ты же пропадёшь здесь! Сопьешься в своей квартире! Разве можно тебе сейчас жить в ней! После смерти Веры? Тебе же надо сменить всё! Сидеть на Севере год! Два! Безвылазно!

– Я перебеда в бабушкин дом. А сестра в мою двухкомнатную.

Смотри-ка, всё уже решил. Только когда? Ведь пил беспробудно три недели.

Напротив пивной остановилась машина с глухим свинцовым фургоном и красным крестом на нём. От входа по залу уже шли две внимательные фуражки. По мере их приближения алкашей приподнимало возле столиков и опускало. Как будто от большой волны. Фуражки ушли обратно в дверь. Машина тронулась от пивной дальше. Чтобы прийти в себя, алкоголики разом заперчили мерзавчиками кружки. Мерзавчик Чечина исчез со стола непонятно когда и куда. Костюм Чечина нигде не оттопыривался. Селиванов понемногу отпивал, удивлялся.

В 76-ом из-за упорных шарманок Альберта Че посадили. Сам Селиванов с позывным «Директор кладбища» спасся в армии. (Он был на год старше Чечина.) Уже дембельнувшись, приезжал два раза к другу на свидание. В колонию в Читинской области. Большая остриженная голова Вани походила на туман. Он больше чем обычно задумывался. Бабушка Ваньки, Людмила Петровна, долго сердилась на Селиванова. Проходя мимо, не здоровалась. Селиванов тоже уводил глаза в сторону. Чувствовал себя виноватым. Хотя бывшую учительницу можно было понять: внук её валит лес в Читинской области, а этот... «Директор кладбища» учится уже в институте. В нефтяном! Только когда Иван вернулся, как-то отошла.

– Ну так как, Геннадий? Стоит мне обращаться к Зарипову? Ты в одном Управлении с ним сидишь. Может быть, узнаешь – что и как?

Селиванов, казалось, не слышал друга. Облокотясь на столешницу, на истёртый подошвами белый обод поставив ногу, опять смотрел на улицу. Весь джинсовый, тощий и широкоплечий как горец. За пятнадцать лет работы на промыслах Ваня так и не дорос до ранга бурильщика. Да, видимо, и не хотел. До сегодняшнего дня остался помбуром с 4-ым разрядом на скважинах первой категории. Зарипов правильный мужик, но возьмёт ли сейчас сюда в Октябрьск? Даже на текущий ремонт? Когда своих сокращает? Хотя ещё в Тюменской области у него оба и начинали когда-то. Вся в высоких радугах мимо проехала поливалка. Точно такая же высоко поливала цветник с противоположной стороны улицы. Громогласный Зарипов часто кричал: «Где этот Задумчивый? Куда опять подевался?» Хотя работу Иван всегда делал быстро и чётко. Быстро делал так называемый *рейс*: менял буровое долото и вновь возвращал в скважину. «Молодец, Задумчивый!» – кричал Зарипов и врубал вертлюг. Нередко из хохочущего вечернего вагончика Ваня раздетым выходил на весенний терпкий воздух. Стоял и думал. Как всегда. Запустив в большую свою башку и стелющийся закат, и чёрные, торчащие вкривь-вкось палки весенней лесотундры. Кто создал этот чудный мир вокруг? Бог? Есть ил Он? Видел ли кто Его? «Где Задумчивый? – вспоминал вдруг вездесущий Зарипов. И хохотал: – Наденьте на него шапку, а то застудит свой казан!» Ваню находили, надевали шапку, вели в вагончик.

Селиванов вздохнул, взял кружки, пошёл к буфету. Наливая пиво, буфетчица жевала жвачку. Двигались бесцветные коровьи губы. За спиной её из кассетника еле слышно доносилась гениальная песня:

Осень, в не-бе жгут ко-ра-бли-и,
Мне бы, мне бы прочь от зем-ли-и.
Там, где в мо-оре тонет печ-а-ль,
Осень – тёмная да-а-аль...

4

В 72-ом году учительница зоологии Чечина Людмила Петровна, уже пенсионерка на то время, решила из школы уйти совсем. Милых деток больше не учить. «Я боюсь пукнуть в классе. На уроке», – сказала она Голдиной Вере Георгиевне, завучу.

Голдина, тоже уже пожилая, нахмурилась. «Я тебя понимаю, Люда». Взяла перьевую ручку, макнула и написала на заявлении: «Согласна. Голдина».

В доме у себя на улице Восточной Людмила Петровна высоко раскинула руки и воскликнула: «Свободна!» И громко пукнула. Благо внук и внучка были в школе. В той самой школе, которую она только что покинула. (Вариант) Несколько смутилась, обернулась даже. Но внук и внучка были в школе. В той самой школе, которую она только что покинула.)

Уже на другой день она привела двух нераздоенных коз. Раздаивала их во дворе, усевшись на бревёшко. От Селивановых всё время выглядывал молодой козёл Коля. С крыши их сарайки. С бородкой как девичье менарге. «Пошёл!» – махала ему Людмила Петровна. Козёл на время исчезал. И вновь появлялся. Третьеклассница Женька и пятиклассник Ваня стояли, застенчиво поматывая портфелями. Впереди себя. Не узнавали бабушку и двор. «Да идите сюда! Не бойтесь! Они не бодаются!» Связанные вместе, козы, как две сестры, безвольно поталкивали друг дружку, поочередно дёргаемые снизу за сосцы Людмилой Петровной.

«Ну как, нравится козье молоко?» – спросила она у детей в доме. Женька, оторвавшись от кружки, только сладко зажмурилась. С белыми усишками, как кошка. Слов у неё не было. Но Ваня, даже не допив, ушёл к себе в закуток. К своим микросхемам, транзисторам и паяльникам. Чуть погодя оттуда потащило канифолью. «Иди на улицу. Таракан запечный! – с досадой говорила бабушка. – Хоть к Генке сходи!» Внук не отвечал.

К самой Чечиной регулярно, раз в месяц, приходил Посачилин. Ветеран войны. С коромысловой ногой и стеклянным глазом. Однако приходил он всегда почему-то только тогда, когда боевой подруги не бывало дома. По норме, как мужским одеколоном, от него пахло спиртным. Сразу требовал у внуков Люды листок бумаги и ручку.

За столом подробно писал обо всём, что случилось с ним, Посачилиным, за месяц, пока его не было здесь, в этом доме. В конце письма размашистыми росчерками, не отрывая от бумаги ручки, чертил большого голубя с письмишком в клюве, больше похожего на курицу, и расписывался. Всегда одинаково: «Твой Зайка безбашенный!» Сворачивал листок и, свирепо выкатив свой стеклянный глаз, говорил маленькой Женьке: «Надеюсь, между нами. Передашь!» И удёргивал за собой коромысловую ногу.

Вернувшись из города Людмила Петровна заходила в смехе. Однако поглядывала потом на хихикающих внука и внучку немного виновато.

Вечером, как всегда, доила коз. Молодой козёл Коля всё выглядывал. (От Селивановых.) Со своей измазанной бородкой. «Бе-е-е-е-е!» – набивался на знакомство. Козы-сёстры на жениха не смотрели. Бойко выстригали сочную траву из рук брата и сестры.

Всегда осенью в отпуск с Севера приезжал сын Николай, отец Женьки и Вани. Приезжал всегда шумно, с подарками, как будто даже с привезёнными с собой гостями, которые орали песни в доме и мычали во дворе дня три.

Детей своих стеснялся, а выпив, слабо узнавал. Потом с разбитной Галькой Лаховой, местной, улетал на Юг, оставив матери и своим детям тысячи две, три. До следующего года.

Людмила Петровна плакала. По ночам покачивалась на стуле, сидя возле спящего внука с такой же большой, как и у Николая, головой.

Мать свою Ваня Чечин совсем не помнил. Ему было чуть больше двух лет, когда она умерла. И осталось от неё только какое-то серое большое пятно, всегда встающее перед глазами, когда пытался представить её. Но он почему-то хорошо запомнил большого дядьку с

большой головой. Дядька этот ходил по комнате и громко, как бегемот, рыдал. Это был, как потом рассказала бабушка, отец. А рыдал он сразу после смерти жены Елизаветы. Смерти от родов. После которых осталась Женька. Живая.

С фотографии со стены на Ваню всё детство смотрела печальная женщина, отрешённо, как во сне, заплетающая косу.

После колонии, когда сын вернулся в Октябрьск, отец позвонил. Велел приехать в Сургут. К тому времени он стал на Севере большим начальником. Воткнул непутёвого сына в местный нефтяной техникум. Жил Иван в общежитии. Видел отца не часто. Запомнились два его дня рождения. А один раз был у него на Первое мая. Новая жена отца имела постоянно обиженное лицо и высокую бобину волос над куцым лбом. Ваня чувствовал её неприязнь. Но малолетние дети отца (опять брат и сестра!) после баловства с Ваней в гостинной всегда висли потом на нём в прихожей. Висели как на березе, долго не отпускали.

Техникум Иван закончил с грехом пополам в 80-ом году. В аэропорту Сургута, прощаясь в буфете, отец трудно сказал сыну: «Будь... сильным, Ваня». И неожиданно заплакал. Зарыдал. Громко, не скрываясь. Точно так же как когда-то по умершей жене.

Чечин смотрел со второго этажа аэровокзала, как тяжёлый грузный мужчина садился в чёрную «Волгу». В засалившейся дубленке, с большой, уже плешивой головой. Больше отца своего Чечин не видел. Тот через полгода умер.

На вечернем красном кладбище чёрная Людмила Петровна на опоздавшего внука падала. Внук осторожно вёл её к ждущим машинам. Жена отца, тоже вся в чёрном, обиженно бычила голову в сторону.

5

Опять приходила сестра Евгения. Гнала к Зарипову договариваться заранее о работе. Не ждать трудовую. (Когда её ещё к чёрту пришлют!) Все октябрьские вот-вот хлынут с Севера. Уже идут везде сокращения. Чего сидишь? Бизнесменом хочешь стать? С китайскими плащами-пиджаками до неба?

Чечин не сидел. Чечин стоя чистил картошку. В цветном чистом фартучке. Старался. Как уговаривал в руках недающуюся картофелину.

– Э-э, руки-то трясутся. Чистюля!

Сколько помнила себя Евгения, брат всегда был аккуратистом. Всё у него в каморке за печью было разложено по полочкам. Полочек висело шесть. Школьная форма всегда выглажена и повешена на плечики на стенку. Сам, круглый двоечник, сидит за столом в чистой белой майке и чистых трениках с лампасами. Он даже стирать на себя начал с десяти лет! Бабушка и внучка смотрели друг на дружку растерянно. Как две подруги по полному беспорядку.

Чечин всё не мог справиться с картофелиной. Всё старался.

– Э-э. В Князева, в моего бывшего уже превратился. Когда перестанешь, наконец?

В прихожей, вбивая ноги в туфли, с удивлением спрашивала себя: «Сколько можно пить?» Глаза её были бесцветны и вытаращены, как виноград: – «Сколько?!»

Грохнула дверью.

Вышел из подъезда в начале девятого. Однако старухи уже сидели. Такие же непримиримые, сердитые.

Вежливо поздоровавшись, прошёл. «Ишь, начистился, нагладился опять. Правда, сегодня в майке. Пиджак, наверное, заблевал».

На улице ноги три

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.